

— Благодетель, благодетель...

— М-м? — Цзян Тяньхэн был полностью поглощен страстным поцелуем.

Янь Юй набрался смелости и маленькими ладонями слегка оттолкнул нависшего над ним мужчину:

— Благодетель, что вы делаете?

Для Цзян Тяньхэна, когда перед ним такое лакомство, не существовало преград. Он продолжал путь, спускаясь от подбородка ниже, и припал губами к нежной белой шее.

— Хи-хи! — Янь Юй не сдержался и рассмеялся. — Благодетель, щекотно.

— ...

Учитывая, что юноша был невероятно хорош собой и пришелся ему по вкусу, Цзян Тяньхэн решил простить ему прежние странные речи и дерзость. Но хихикать в постели — это уже явное неуважение!

Заметив, как лицо Цзян Тяньхэна омрачилось гневом, Янь Юй поспешно сжал губы. Опустив взгляд, он робко пролепетал:

— Мне... мне правда щекотно. Раньше вы никогда так не делали.

— Какой еще благодетель? — Цзян Тяньхэн наконец придал значение этому обращению, которое юноша повторял снова и снова.

Янь Юй нахмурил изящные брови и недоуменно произнес:

— Вы забыли, благодетель? — Он внезапно замолчал, словно о чем-то задумавшись. — Впрочем, верно. Пора бы уже забыть, триста лет прошло как-никак.

Цзян Тяньхэн прищурился. Решил поиграть в любовные игры?

Уголки его губ чуть приподнялись, и он подхватил тонкое, бледное личико юноши своей сильной ладонью:

— Я забыл. Юй-эр, не расскажешь мне?

Глаза Янь Юя просияли:

— Можно?

— Конечно. — Цзян Тяньхэн повернулся на бок, притягивая его в свои объятия, и принялся нежно перебирать его тонкие, хрупкие пальцы.

Янь Юй с воодушевлением принялся рассказывать: как они встретились триста лет назад, как были вместе, как он переживал горе, глядя на его уход. Слова лились рекой, словно рассыпающийся горох. Он то восторженно, то печально пересказывал события, его маленькое тело мелко подрагивало, а в глазах невольно заблестели слезы. Они покатались по щекам и упали на ярко-желтое парчовое одеяло, оставляя влажные пятнышки.

Изначально Цзян Тяньхэн был в хорошем расположении духа и даже заинтересовался, желая посмотреть, какую еще небылицу придумает этот юноша. Он позволил ему плести эти сказки, подготовленные для того, чтобы одурачить его. Видя, с какой искренностью тот говорит, словно все было на самом деле, Цзян Тяньхэн находил это забавным. Но сейчас... он плачет?

Неужели требования к наложникам стали настолько высоки?

Так искусно лгать самому императору!

Интересно, какой же это чиновник так старательно выучил его, лишь бы привлечь внимание государя?

В глубине темных глаз Цзян Тяньхэна промелькнул холод. Он притворно нежно прижал его к себе и прошептал:

— Тише, не плачь. Все прошло. Отныне мы с Юй-эром будем вместе вечно.

Янь Юй перестал всхлипывать и, шмыгая носом, посмотрел на Цзян Тяньхэна. Его серьезный вид, казалось, требовал подтверждения:

— Правда?

— Обещаю.

Но ты ведь умрешь. А умерев, забудешь меня. Если получится найти тебя — хорошо, а если нет...

Нет, этого не случится!

Янь Юй словно что-то вспомнил, и его глаза ярко блеснули:

— Точно, мы не расстанемся! На теле благодетеля есть моя метка, иначе мне было бы не так легко вас найти!

Цзян Тяньхэн приподнял бровь:

— Метка?

— Да, — оживленно подтвердил Янь Юй. — Прямо у вас на ягодице, спиралевидный след. Это мой рог оставил его!

— ...

Цзян Тяньхэн невольно напрягся.

Дерзость! Смерть! Вывести и казнить! Эти слова крутились у него на языке, но он так и не смог их произнести, как не смог и сбросить с кровати этого безумца, не боящегося играть с огнем. Его пальцы крепко сжались.

Хорошо, поистине хорош его чиновник: разыграл спектакль от начала и до конца, даже это разузнал до мельчайших подробностей. Просто превосходно!

В душе Цзян Тяньхэна бушевала ярость, словно он подавился комом, но, стиснув зубы, он продолжил:

— А я-то думал, откуда у меня такое особое родимое пятно с рождения. Оказывается, это ты оставил, Юй-эр. Выходит, ты и вправду Цилин?

Янь Юй, чьи щеки покраснелись от возбуждения, на мгновение смутился. Подавив внутреннее напряжение, он встретился взглядом с Цзян Тяньхэном, в глазах которого таилась усмешка, и кивнул:

— Конечно, я могу принести Вашему Величеству благополучие и процветание!

Цзян Тяньхэн усмехнулся:

— Неужели?

— Да!

Янь Юй плотно сжал губы, чувствуя, как решимость крепнет в нем.

Он не священный зверь Цилин, он — свирепый Яюй, о котором ходят слухи, будто он кровожаден и любит человечину. Но он никогда не приносил никому бед и не ел людей. Он обязательно постарается принести благодетелю процветание, а если потребуется — отдаст за это жизнь!

<http://bllate.org/book/22257/2329153>